

СУСЛОВ Михаил Донатович / Michail SUSLOV

| Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова |

СУСЛОВ Михаил Донатович / Michail SUSLOV

Россия, Москва.

Российский институт культурологии, старший научный сотрудник,
приглашенный исследователь Упсальского центра изучения России и Евразии.

Russia, Moscow.

Russian Institute for Cultural Research, senior researcher fellows.
A visiting researcher at the Uppsala Center for Russian and Eurasian Studies.

ПРИНЦИП РЕДУКЦИИ КАРТИНЫ МИРА В СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ УТОПИИ С. Ф. ШАРАПОВА

В настоящей статье рассматриваются особенности воображения лучшего общества в российских утопиях рубежа XIX–XX вв. на примере произведений неославянофила С. Ф. Шарапова. Делается вывод о том, что господствующей интеллектуальной процедурой утопического творчества являлась редукция, т.е. радикальное упрощение картины мира, характерное для культурного фундаментализма. Фундаменталистская редукция подрывала основания утопического мышления, пытаясь сконструировать такую общественную модель, при которой утопизм не нужен, так как социально-политическое творчество принадлежит массам, «народу».

Ключевые слова: утопия, фундаментализм, славянофильство, С. Ф. Шарапов

The World Reduction Principle in the Slavophil Utopia of S. F. Sharapov

This article examines the intellectual procedure of imagining a better world in Russian utopias at the turn of the 20th century. Sergei Sharapov's utopias, such as *Fifty Years from Now* and *The Dictator* are taken as two such examples. The author argues that reduction, i.e. the radical simplification of an imagined society, prompted Russian utopianism to acquire elements of fundamentalism. This Reductionist worldview rendered utopianism unnecessary, because it discussed the possibility of a non-utopian society, while the grass-roots perception encouraged and motivated socio-political change.

Key words: Russian utopianism, fundamentalism, neo-Slavophilism, S. F. Sharapov

Терри Иглтон по поводу классовой теории Маркса однажды заметил, что с проблемой нации, как и с проблемой класса, связана неизбежная ирония: решить ее можно только полностью «погрузившись» в национализм и «вынырнув» где-то по «ту сторону» него. Просто отказавшись от нации или класса, мы сыграем на руку тем, кто делает из нации или класса орудие подавления¹. Кроме классовых и национальных противоречий, предреволюционная Российская империя страдала от многих других нерешенных проблем, как «собственных», исторических (принадлежность к Западу или Востоку, имперский или национальный характер государственности, объект или субъект колониализма и т. п.), так и «обретенных» в ходе модернизации последних десятилетий XIX века (капитализм и социализм, традиция и новация, политический абсолютизм и демократия и т. д.). Обилие и тяжесть этих проблем искушали современников не решать их, а отбрасывать, выдумав некий «третий путь». Идеология «третьего пути» (иначе — «консервативная революция») была популярна в межвоенной Германии и Ита-

лии, в странах, не меньше, чем Россия, пораженных недугом догоняющего развития. Характерно, что принципиальное «нерешение» противоречия между капитализмом и социализмом (что составляло основной принцип «третьего пути») послужило идейным истоком и вдохновителем фашизма — «террористической диктатуры наиболее реакционных кругов финансового капитала», т. е. проблема не была решена, а приобрела особо ядовитые свойства².

Отказ от решения проблемы ведет к тому, что она не исчезает, а воспроизводится в новых условиях. Не случайно, в современной России идеологии «третьего пути» бурно расцвели после 2000 г. Так, например, в своем выступлении на телевидении 20 января 2010 г. А. Дугин убеждал в необходимости новой «эпистемы» (т.е. того же «третьего пути») в условиях краха старой советской модели и выявившейся неспособности новой либеральной модели «пустить корни» в России³. Попытка снять в принципе не снимаемое противоречие между модернизацией и традицией, прогрессом и отсталостью,

¹ Eagleton T. Nationalism: Irony and Commitment // Eagleton T., Jameson F., Said E.. Nationalism, Colonialism, and Literature. Minneapolis and London, 1990. P. 23.

² XIII пленум Исполкома Коминтерна. Стенографический отчет. М., 1934. С. 589.

³ <http://konservatizm.org/speech/dugin/200110154637.xhtml>

СУСЛОВ Михаил Донатович / Michail SUSLOV

| Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова |

демократией и диктатурой и т. д. проявляется в идеологиях «консервативной революции» и так называемой «русской идеи», которые проповедуют М. Леонтьев, М. Юрьев, Н. Нарочницкая и многие другие лидеры общественного мнения в его правом секторе.

В этой работе мы будем называть подобный сознательный выбор в пользу «нерешения» или в пользу парадоксального, недиалектического снятия «проклятых вопросов» редукцией, заимствуя этот термин из анализа произведений Урсулы Ле Гуин Фредриком Джеймсоном⁴. Однако, в отличие от Джеймсона, мы будем понимать редукцию расширительно, не только как литературный, но и как интеллектуальный прием, на основе которого лежит эскапизм, стремление избавиться от сложности реального мира бегством в воображаемый мир гармонии и простоты. Так, пасторальное движение XIX века, культурный критицизм викторианской эпохи был связан с подобной редукцией проблем, возникших в связи с усложнением индустриальной цивилизации⁵. В психоанализе редукция связана с неспособностью рационально ответить на вызов среды, которая отбрасывает сознание назад, к первичному процессу, к пустому фантазированию. Почти все утопии содержат в себе элемент «первичного процесса», мышления по типу «хорошо бы, если бы...» Даже «Красная звезда» (1908) А. А. Богданова была написана в условиях удручения революционных выступлений, как эмоциональный ответ на неспособность реализовать свои идеи «здесь и сейчас»⁶.

Таким образом, редукция свойственна, с одной стороны, утопии, а с другой стороны, культурному фундаментализму, который представляет собой протестное движение «назад к основам», прочь от отчуждающих отношений индустриального общества. Другой «мостик» между утопизмом и фундаментализмом лежит в определении последнего как «материализованной религии; слова, претворенного в кровь и плоть»⁷. В принципе, любая попытка реализовать абстрактные идеи на практике являются фундаментализмом. Не случайно, некоторые исследователи пишут о «марксистском фундаментализме», т. е. о некритической и недиалектической попытке реализовать «букву» учения на практике⁸. Мы, разумеется, далеки от того, чтобы ставить знак равенства между утопизмом и фундаментализмом, но мы пытаемся показать, что в любом фундаментализме есть элемент утопии, равно как и в любой утопии есть элемент фундаментализма⁹. Любопытно, например, что даже

социалистические утопии часто изображают патриархальное, аграрное, не-индустриальное общество¹⁰. Тем более элементы фундаментализма присущи консервативным утопиям. В настоящей статье анализируются консервативные утопии нео-славянофила Сергея Шарапова (1855–1911); мы хотели бы показать, что центральный для этих утопий литературный и мыслительный прием — редукция — опрокидывает идеологию в область фундаментализма.

Принцип редукции в работах Шарапова проявляется уже в том, что сама славянофильская утопия постоянно стремится к самоликвидации, подрывает собственные основы. В частности, он постоянно подчеркивает анти-утопический характер своих построений, которые основаны, якобы, исключительно «на жизни», на практике, а не на абстрактных схемах. По его мнению, славянофильство оформилось только как теоретическая доктрина, и в настоящий момент необходимо применить ее выводы к практике. Во введении к своим «Сочинениям» Шарапов отмечал свою главную черту — утилитаризм: «Я старался положения славянофильства свести с Олимпа и посадить на землю»¹¹. Тем самым, он оценивал «жизнь» выше «теории» и постоянно призывал «отбросить пути доктрин»¹², «исходить не из доктрин, а из нужд русской жизни»¹³, «перестать баловаться, бегая от одной теории к другой, а... идти в народ»¹⁴ и т. п. За этой темой стоит славянофильское романтическое противопоставление подражательной, наносной «публики» и органического, естественного «народа»¹⁵; соответственно, прогресс понимался как освобождение народа из-под власти чужеземных абстракций, не подходящих для русской «почвы».

Это предопределило враждебное отношение к утопии, по мнению Шарапова, неизбежно ведущей к «тюремному бараку»¹⁶. Тем не менее как автор пяти утопий, Шарапов мог бы считаться самым плодовитым российским «Фламарионом». Однако, характерно, что из шести (включая одно переиздание) утопий, пять были подписаны вымышленными, хотя и похожими на реальные, именами П. Арбатский и Лев Семенов. Подписанное же своим именем «Через полвека» 1902 года издания было сопровождено пространной пояснительной запиской, в которой говорилось: «я хотел бы в фантастической, и, следовательно, довольно безответственной форме дать читателю практический свод славянофильских мечтаний и идеалов» (ЧП, 3)¹⁷: фокус начинался с его разоблачения. Для авторов утопий типично другое: они охотно прибегают к мистификации. Так, например, Э. Беллами, автор парадигматического сочине-

⁴ Jameson F. World-reduction in Le Guin: The Emergence of Utopian Narrative [1975] // Hardt M., Weeks K. (eds.) The Jameson Reader. Oxford, 2000. P. 368–381.

⁵ Marx L. The Machine in the Garden. Technology and the Pastoral Ideal in America. New York, 1967. P. 6–9. Лидеры «пасторальной волны», Дж. Раскин, В. Моррис и Э. Карпентер рассматриваются в: Marsh J. Back to the Land. The Pastoral Impulse in England, from 1880 to 1914. London, 1982.

⁶ Stites R., 'Fantasy and Revolution. Alexander Bogdanov and the Origins of Bolshevik Science Fiction', in Bogdanov A. *Red Star: The First Bolshevik Utopia*, (Bloomington, 1984), 3.

⁷ Ruthven M., *Fundamentalism: The Search for Meaning* (Oxford, 2004), 190.

⁸ Ch. Jäggi, *Op. cit.*, 138–143.

⁹ Так, понятие «фундаменталистской утопии» обсуждается в: Shmuel N. Eisenstadt, *Fondamentalismo e modernita*, (Laterza, 1994), 22; Markus J. Prutsch, *Fundamentalismus. Das "Projekt der Moderne" und die Politisierung des Religiösen* (Wien, 2007), 87–99.

¹⁰ Инфантьев П. П. На другой планете. Повесть из жизни обитателей Марса. Новгород, 1900; Богоявленский Л. А. В новом мире. Киев, 1904.

¹¹ Там же. С. xviii.

¹² Талицкий [С. Ф. Шарапов]. Деревенские мысли о нашем государственном хозяйстве. М., 1886. С. vi.

¹³ Шарапов С. Ф. Дневник // Русское слово. 1900. 17 июля. С. 2.

¹⁴ Шарапов С. Ф. Мой дневник // Свидетель. 1910. № 37–38. С. 94.

¹⁵ Аксаков К. С. Опыт синонимов: публика — народ [1857] // Бурлака Д. К. (ред.) Славянофильство: Pro et contra. СПб., 2006. С. 109–110.

¹⁶ See: *Blagovest*, 1890, No. 9 (December 15, 1890): 257.

¹⁷ В тексте приняты следующие сокращения: С. Ф. Шарапов. Через полвека. М., 1902 — ЧП; Он же. Диктатор. М., 1907 — Д; Он же. Иванов 16-й и Соколов 18-й. М., 1907 — ИС; Он же. У очага хищений. М., 1908 — ОХ; Он же. Кабинет Диктатора. М., 1908 — КД.

СУСЛОВ Михаил Донатович / Michail SUSLOV

| Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова |

ния «Глядя назад», датирует авторское предисловие декабрем 2000 г. (утопия написана в 1887 г.)¹⁸

Уже по этой цитате заметно его симптоматично противоречивое отношение к утопии; он явно пытался оправдаться перед читателями за столь несерьезное увлечение «враньем». Подобное самоуничтожение жанра было типичным для славянофильской утопии. Так, И. Ф. Романов, сотрудник и приятель Шарапова, был автором утопической брошюры «Вечер черной и белой магии», в которой из 14 страниц 10 (!) являются предисловием с «разоблачением». Автор пространно комментирует то же знаменитое произведение Беллами, исключительно популярное в России¹⁹, разоблачая утопии как «софистическую эквилибристику» и желание «подурачить людей, которым бы захотелось иной раз немного подурачиться». Во-первых, утверждает Романов, сама идея идеального устройства мира порочна, так как не предусматривает совершенствования души, а иначе — зачем нужна утопия? «Ради удовольствия заплесневеть в слюночечивой среде "подленьких животишек"», «в этой застоявшейся слякоти буржуазного вседовольствия»? Но даже и построение идеального общества не принесет счастья, ибо что же делать с болезнью и смертью? «Комфорт, комфорт без конца; но — зуб заболел, и все пропало. Карточный домик развалился». Наконец, как же быть с личными отношениями? «И вот, в новом раю возникает старый ад: ненависть, злоба, подвохи, взаимное съедение друг друга...» Наконец, разгромив, таким образом, утопию, автор индифферентно замечает: «Почему бы нам с вами не пофантазировать à la Bellamy?»²⁰

Самоуничтожение жанра утопии проявляется также в сознательном снижении баллетристического уровня произведения до сократовского диалога. Нельзя сказать, чтобы Шарапов не владел романной формой; в 1891 он написал моралистический роман «Кружными путями» (выдержал три издания²¹), а также регулярно печатал бойкие рассказы и пьесы. Утопия «Через полвека» заимствует утопические реквизиты у Беллами: протагонист засыпает на пятьдесят лет, чтобы, проснувшись, удивиться прогрессу человечества за это время. (ЧП, 7) Однако, в отличие от большинства популярных утопий того времени, это произведение лишено романтического сюжета и построено на беседах со счастливыми жителями России 1951 г., и на элементах путешествия. В последующих творениях Шарапова «Диктатор» (1907) и трех его сиквалах нет даже утопической машинерии вроде месмерического сна, путешествия во времени и т. д. Они представляют собой диалоги идеального правителя с политиками и общественными деятелями (в основном, это исторические персонажи) «в реальном времени», т. е. в 1907–1908 гг. с редкими вкраплениями интимных переживаний «диктатора» (например, КД, 269).

Но и фигура утопического демиурга, «диктатора» тоже стремится к самоликвидации. В «Через полвека» роль Утопоса, мифического законодателя играет «наш гениальный Федот Панте-

леев», «простой, маленький дворянин, совершенно незнатный. Он сидел у себя в деревне, в Саратовской губернии, и появился в Петербурге довольно неожиданно» (ЧП, 61). Диктатор из одноименного произведения — Иванов 16-й, простой полковник, «ровно ничем выдающимся не отмечен и имеет послужной список самый скромный и, можно сказать, бесцветный... Таких офицеров у нас тысячи...» (Д, 98–99). Ключевой фигурой правительства диктатора, министром финансов становится Соколов 18-й при довольно сюжетно любопытных обстоятельствах. После долгих и тщетных поисков нужного финансиста, Иванов принимает у себя посетителя. На визитной карточке стоит только: «Соколов 18-й».

Он [Иванов] подал карточку Столыпину и сказал:

— ... Ваш будущий министр финансов.

— О! Как это вовремя! Кто он такой?

— Я тоже его не знаю, и никогда в глаза не видел.

... В кабинет вошел молодой офицер в артиллерийской форме. В его фигуре не было ничего выдающегося (ИС, 160–161).

Третий сотрудник диктатора — министр внутренних дел Тумаров, выдвинулся «из скромных рядов русского судебного сословия» (КД, 244). Наконец, министр образования — отставной профессор, которого насилием вытащили из его небольшого и имени (КД, 265). План приходской реформы, центральной для утопии Шарапова, разработан «скромным сельским священником в глухой деревне» (ИС, 159), чье имя даже не называется. Сама «номерная» фамилия и «общерусская» фамилия диктатора подчеркивают обыкновенность, типичность утопического законодателя, в котором нет ничего героического или выдающегося. Иванов прямо говорит, что если его убьют революционеры, то его место «займет тотчас же другой столь же вам неизвестный Иванов, за ним третий и т. д.» (Д, 100).

Насколько нам известно, это уникальный случай столь стойчивой дегероизации утопического героя, за которым стоит все та же славянофильская тема «освобождения» от внешних форм, чрезвычайного законодательства, реформ «сверху», пусть даже проведенных гениальным преобразователем. В подобной анти-утопической утопии роль реформатора логически требует самоуничтожения; он выводит Россию на ее «историческую дорогу», помогает ей сбросить путы реформаторства, в том числе его собственного, и дает ей возможность «органически» развиваться по своим собственным законам. «Я заклятый враг всякого сочинительства», — признается Иванов (ИС, 183), и в другом месте: «Если идея имеет здоровый росток, он проклюнется сам собой. Все само вырастет» (КД, 256). Утопический диктатор всеми силами отрешивается от утопии, «ибо утопия, логически развиваясь, не может не дать абсурда» (Д, 117).

Шарапов постоянно подчеркивает невежественность диктатора («я профан, едва прочитавший пять — шесть книг» (ИС, 153)) в вопросах о финансах, об устройстве церкви и образования и т. д., но как раз эта невежественность, непрофессионализм являются залогом «непосредственного чувства», благодаря которому диктатор может смотреть в глубину любого вопроса. Иными словами, чем менее «учён» диктатор, тем он более «человек народа», и лучше выражает народные мнения и чаяния. Роль народного трибуна по канонам фольклора нередко достается шуту, и, действительно, в тексте Шарапова мы

¹⁸ Bellamy E. Looking Backward, 2000–1887 [1888]. New York, 1996. P. 1.

¹⁹ Так, роман был переиздан семь раз. См.: Kumar K. Utopia and Anti-Utopia in Modern Times. Oxford, 1987. P. 135.

²⁰ Рцы [И. Ф. Романов]. Вечер черной и белой магии. Фантазия на тему «Через сто лет» Беллами. М., 1891. С. 3–10.

²¹ Шарапов С. Ф. Кружными путями. Роман в пяти частях. Третье издание. М., 1901. См., также: Шарапов С. Ф. Роковой шаг. Драматический этюд. М., 1902.

СУСЛОВ Михаил Донатович / Michail SUSLOV

| Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова |

находим и эту параллель: старинный друг Иванова говорит: «Ну, какой ты диктатор, позволь тебя спросить? Ты шут гороховый...» (ОХ, 196).

Диктатор явно является литературной проекцией самого Шарапова. Об этом свидетельствует и сходство биографий — они оба незнатные провинциальные дворяне, — и жизненных идеалов. В частной переписке Шарапов признавался: «Мой недостаток — мое абсолютное, голое невежество... Между тем, я, по совести говоря, не боюсь никаких вопросов... Я не хочу попадать ни под какой гипноз, а гипноз неизбежен, если Вы «пройдете» любого теоретика... Только совесть не даст никогда ошибку, только любовь осветит и рельефно покажет все заблуждения»²². Коллеги и приятели Шарапова относились к нему критически, именуя «утопистом»²³, известным своими плохо обдумантыми проектами²⁴. Сам себя он, ерничая, называл «известным шарлатаном и фантазером»²⁵ и «обер-фокусником и эквилибристом»²⁶, но при этом он претендовал на роль «большую, чем у Каткова», роль наставника царя и народного трибуна, чье слово вершит судьбами министров²⁷. ту роль, которую он взлелеял и любовно доверил своему литературному двойнику Иванову 16-му.

Частный случай редукции — это нейтрализация хронотопа, т.е. стирание пространственно-временных характеристик утопии²⁸. Так, в серии «Диктатор» прошлое утопии совпадает с историческим прошлым, а настоящее пронизано исторической реальностью. Воображаемые персонажи вступают в контакт и в конфликт с реальными Витте, Столыпиным, Коковцовым, действуя то в действительно существующем Государственном Совете, то в фантастическом Земском Собрании. Время пророчества совпадает со временем действия утопии: Апокалипсис, последняя борьба сил зла и добра, наступает в повествовательном «сегодня». В отличие от типичной для того времени прогрессивной картины истории, непрерывно движущейся к усложнению, освобождению и совершенствованию общества, славянофильское представление об истории рисует постоянное ухудшение, отпадение от идеала в прошлом, которое ведет на «дно» исторической «ямы» — в настоящее, в котором зло стусилось до такой степени, что оно становится залогом дальнейшего движения к добру.

Подобное отношение революционизирует историю, делает современника соучастником главного события мировой истории²⁹. В романе «Через полвека» *kairos* — время исполнения пророчества — растянуто на десятилетия, и время повествования затрагивает лишь последний акт мировой драмы, по значимости не уступающий геополитическому господству России или установлению правильных политических и экономических отношений. Речь идет о еврейском вопросе; протагонист при-

сутствует при эпохальном событии — на приходском собрании решается вопрос о включении в приход крещенных евреев.

Представление о том, что прошлое было скатыванием на «дно», а настоящее уже лежит «на дне», определило эмоционально негативный фон в оценках Шараповым истории России. Так, по его мнению, вся история имперского периода, начиная с Петра I, это, «полтора года лет систематического оподления, угашения духа, заражения самой святыни русской души и русского сердца, обращения матушки Руси в одни огромные арстанские роты»³⁰. Он писал своим корреспондентам: раньше все были «герои, теперь подлецы»³¹, «хамская эпоха подлостей *crescendo*»³², «мы живем среди отвратительных вещей»³³. В предисловии к «Через полвека» Шарапов пронизательно раскрыл метод редукции в утопии: настоящее столь плохо, что любой текст является утопией. «Литература "романов будущего" с легкой руки Беллами разрослась до огромных размеров. В самом деле, в такой форме сойдет самое несурзное вранье, лишь бы рассказ носил сколько-нибудь занимательный характер и рисуемое будущее было лучше настоящего. А так как хуже последнего, собственно говоря, никто ничего не придумает, то это удивительно облегчает задачу наших российских Жюль-Вернов и Фламарионов» (ЧП, 3).

В утопическом хронотопе Шарапова Россия находится «на дне» исторической, а также и пространственной «ямы». Столица страны, символ и метафора имперской России, — это «великая воюющая помойная яма»³⁴. а само государство — «отвратительный нарост на теле человечества»³⁵. В своем дневнике он именуется российской державу «удушающей гниющей и зловонной жижей»³⁶. Часто Россия именуется «отвратительной»³⁷, «опошлевшей», и «оподлевшей»³⁸. «Подлость» в его лексиконе тесно связана со стыдом за Россию и за то, что он русский³⁹. Согласно кодексу дворянской чести смерть лучше стыда: Шарапов часто замечает, что чувствует себя так плохо, что ему «противно жить»⁴⁰, он «задыхается»⁴¹, у него «ничего впереди»⁴². На новый год XX века он отозвался так: «жить не стоит. Жить стыдно»⁴³. Равномерно Шарапов предсказывает «неизбежность гибели» России⁴⁴. Но катастрофа и гибель России будет только началом ее возрождения.

Образ катастрофы позволяет перебросить мостик между нестерпимым настоящим и идеальным будущим, дает возмож-

²² ГАСО. Ф. 121, Д. 1046. Л. 22–23 (Письмо К. Ю. Купалову, без даты).

²³ ГАСО. Ф. 121, Д. 1016. Л. 93, 95. Письмо от Г. В. Бутми от 14.08.1901.

²⁴ ГАСО. Ф. 121, Д. 1030. Л. 109. Письмо от П. В. Оля от 15.03.1902.

²⁵ ГАСО. Ф. 121, Д. 535. Л. 310. Письмо к И. Ф. Романову от 29.09.1891.

²⁶ ГАСО. Ф. 121, Д. 1046. Л. 103. Письмо к К. Ю. Купалову от 01.10.1902.

²⁷ GASO, F. 121, D. 1046, L. 190b. (Letter to A. S. Suvorin of February 15, 1902).

²⁸ Подобная процедура описана в: Clowes E. W., *Russian Experimental Fiction. Resisting Ideology after Utopia*. Princeton, 1993. P. 41–43.

²⁹ Antonis Laikos. *Utopian and Historical Thinking: Interplays and Transferences // Historein*. 2007. Vol. 7. P. 24–26.

³⁰ ГАСО. Ф. 121, Д. 533. Л. 238. Письмо Н. М. Баранову от 12.12. 1891.

³¹ ГАСО. Ф. 121, Д. 536. Л. 121. Недатированное письмо к неизвестному лицу.

³² ГАСО. Ф. 121, Д. 533. Л. 192. Письмо к И. Ф. Романову от 12.12.1890.

³³ ГАСО. Ф. 121, Д. 534. Л. 331. Письмо к И. Ф. Романову от 04.04.1888.

³⁴ ГАСО. Ф. 121, Д. 533. Л. 199. Письмо к И. Ф. Романову от 22.12.1890; там же. Д. 7. Дневник. Запись от 07.09.1903.

³⁵ Русское дело. 1907. №1. С. 12.

³⁶ ГАСО. Ф. 121, Д. 536. Л. 123. Недатированное письмо к неизвестному лицу.

³⁷ ГАСО. Ф. 121, Д. 544. Л. 41об. Письмо к А. Я. Антоновичу от 06.02.1908.

³⁸ ГАСО. Ф. 121, Д. 534. Л. 379. Письмо к неизвестному лицу от 08.02.1890.

³⁹ Русское дело. 1907. №8. С. 8.

⁴⁰ ГАСО. Ф. 121, Д. 533. Л. 192. Письмо к И. Ф. Романову от 12.12.1890.

⁴¹ ГАСО. Ф. 121, Д. 533. Л. 199. Письмо к И. Ф. Романову от 22.12.1890.

⁴² ГАСО. Ф. 121, Д. 545. Л. 41об. Письмо к А. Я. Антоновичу от 06.02.1908.

⁴³ ГАСО. Ф. 121, Д. 543. Л. 52. Письмо к И. Ф. Романову от 31.12.1899.

⁴⁴ ГАСО. Ф. 121, Д. 533. Л. 238. Письмо к Н. М. Баранову от 29.12.1891; Русское дело. 1905. № 12. С. 1.

СУСЛОВ Михаил Донатович / Michail SUSLOV

| Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова |

ность осмыслить радикальную реформу, необходимую для торжества «правильных» и «исконных» начал над «враждебными наслоениями». В представлении Шарапова, катастрофа позволит «перезагрузить» программу развития страны, возвратив Россию в прошлое, в эпоху Московской Руси.

Осенью 1891 г. Шарапов направился в качестве специального корреспондента «Нового времени» в Поволжье, пораженное голодом. В частных письмах он рисовал апокалиптическую картину происходящего: «Все элементы [готовы] для того, чтобы мужицкая ненависть к бумажному государству перешла в дело... Когда вулкан начнет работать, лаву не остановишь не только голыми руками, или циркулярами, но даже штыками»⁴⁵. И в другом месте: «Читали Вы у Тэна во втором томе главу L'anarchie spontan e? Вот это самое...»⁴⁶; «мы погибли! Погибли, и нет нам спасения! Слепота повсюду, подлог и обман!»⁴⁷ Но и военное поражение не за горами:

Надежд нет ни на что. Мы в военном отношении безусловно никому не годны, и... взять нас можно голыми руками... В душе я уже пережил и перестрадал весь будущий позор: сдачу армий и крепостей, поднесение московских ключей... полное разрушение бумажного Российского государства... Во всяком случае, он [вопрос о будущем России] решится нашим освобождением и возрождением. А что до ближайших катастроф, то, право, им нужно быть именно для нашего возрождения...⁴⁸

В передовой статье «Русского труда» за 1906 г. Шарапов изображает более подробную картину «ближайших катастроф». По его представлениям, внутренняя анархия в России станет предлогом для нападения соединенных сил Германии и Австро-Венгрии, которые без труда «займут всю Россию до Волги». Турция в это время захватит Кавказ, Сибирь и Урал объявят независимость, Япония присоединит к себе Приамурье. Правительство исчезнет. «Казалось бы, это и будет политической смертью нашей Родины. Но в сущности это станет только началом ее возрождения», — провозглашает публицист⁴⁹. Чувство нависшей угрозы «образумит» интеллигенцию, возбудит патриотизм в народе, «возродит земщину» и религиозное чувство, объединит разрозненные классы: мужик и барин, рабочий и капиталист сойдутся ради изгнания захватчиков, помирятся народы Польши и России на общей ненависти к немцам. В результате, через несколько лет «совершится нравственное перерождение все России, перестройка ее государственной идеи, переустройство вооруженной силы, явится пламенный патриотизм, возникнет духовное единство, найдутся и выйдут талантливые правители, гениальные полководцы, и Восток тронется неудержимой стихией на освобождение Запада»⁵⁰.

В хронотопе утопии Шарапова механизм редукции работает следующим образом. Автор сначала актуализирует мифологическую бинарную оппозицию, с помощью которой осмысляется прошлое, а затем стирает ее в утопическом будущем. Одним из наиболее устойчивых различий в культуре России является

противопоставление ее Западу; мирная, религиозная, «тихая» Россия в славянофильском дискурсе противопоставлялась агрессивному, рассудочному, безбожному Западу. С первых же страниц «Через полвека» Шарапов утверждает эту диспозицию, чтобы потом разрушить. Так, заснувший на 50 лет герой романа для наилучшей сохранности закопан на кладбище одного из тихих московских монастырей, а письмо с информацией об эксперименте и с требованием откопать его в указанное время отправлено на хранение в Парижскую академию наук. Тем временем, однако, в Париже происходит очередная революция, город разбомблен правительственными войсками, и Академия лежит в руинах. Только по счастливой случайности через год после назначенного срока протагониста находят и возвращают к жизни (ЧП, 19–20). Падение Парижской Академии, старейшего на Западе центра Просвещения, представлено как символ «заката Европы», уничтожение одного из членов дихотомии. С другой стороны, вместо Санкт-Петербургской академии наук образована Славянская академия (ЧП, 23) как символ новой цивилизации. На вопрос: Россия — Запад или Россия — Восток, был дан «третий» ответ: Россия — не Запад и не Восток, а Славянская цивилизация.

Но «закат Европы» происходит не только символически, но и географически. В результате мировой войны, Германия и Австро-Венгрия проиграли России, и последняя полностью вошла в состав Российской империи, Германия поплатилась восточной Пруссией, Британская империя частично распалась (ЧП, 58). Единственной сверхдержавой осталась обновленная Россия, в пределы которой входят все земли к востоку от линии Данциг — Триест, не исключая Сербии, Боснии, Хорватии, Греции, Венгрии, европейской части Турции с Константинополем, Румынии, Болгарии, Чехии, и Австрии (ЧП, 50–51). Россия, таким образом, сама стала Западом, но не только: Афганистан и Иран тоже подчинены империи Романовых.

Ликвидация (редукция) дилеммы: Запад или Восток связана с интенсивными позитивными эмоциями. Можно утверждать, что любая редукция связана с «принципом удовольствия», т. е. с понижением психического напряжения, вызванного неразрешимостью дилеммы, но позитивные эмоции от редукции геополитической проблемы можно считать исключительно яркими. С геополитикой связаны интенсивные фобии (например, германофобия, американофобия, или же русофобия), основанные на архаической противопоставлении «Мы» и «Они», или, еще архаичней: «Я» и «Чужой». Унижение и поправление геополитического «Чужого» в символическом поле утопии высвобождает массу удовольствия; не случайно, суб-жанр воображаемой войны был столь популярен в наэлектризованной атмосфере трех предвоенных десятилетий накануне 1914 года.

В мировоззрении Шарапова напряжение между «Мы» и «Они» чрезвычайно высоко. Ненависть к немцам и Германии была распространена в славянофильской среде, особенно после Берлинского конгресса 1878 г. и протекционистских тарифов Бисмарка. «Немец — исторический насильник...», — писал славянофил⁵¹, указывая на угрозу немецкой колонизации в России⁵². Для Шарапова Германия была воплощение «мерт-

⁴⁵ ГАСО. Ф. 121. Д. 536. Л. 55а. Письмо А. С. Суворину от 22.10.1891

⁴⁶ ГАСО. Ф. 121. Д. 536. Л. 53. Письмо Н. М. Баранову от 22.10.1891.

⁴⁷ ГАСО. Ф. 121. Д. 536. Л. 80. Письмо Н. М. Баранову от 18.11.1891.

⁴⁸ ГАСО. Ф. 121. Д. 533. Л. 239–240. Письмо Н. М. Баранову от 29.12.1891.

⁴⁹ Шарапов С. Ф. [Передовая статья] // Русское дело. 1906. № 22–23. С. 3–4.

⁵⁰ Там же. С. 4.

⁵¹ Свидетель. №16–17. С. 18.

⁵² Шарапов С. Ф. Речь о промышленной конкуренции Лодзи и Сосновиц с Москвою (Москва и Иваново-Вознесенск, декабрь 1885 г.) // Он

СУСЛОВ Михаил Донатович / Michail SUSLOV

| Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова |

вой» машины, противопоставленной живой, но «ослабшей» России⁵³. Германия страшна не просто России, а всему славянству, это «клин», вогнанный между славянскими и романскими «племенами»⁵⁴. Историческая задача Германии — покорение миролюбивых и разрозненных славянских народов, и «в этой борьбе примирения нет и быть не может...»⁵⁵ Соответственно, воображаемая победа над Германией с ее последующим урезанием, а также полное присоединение Австрийской империи должны были вызывать большое удовольствие.

Географическая редукция в утопии Шарапова проявляется также в противопоставлении «Москва — Петербург», столь развитой в славянофильской идеологии. Столице бюрократической империи, городу Sanktpetersburg, как уничтожительно именовал его И. С. Аксаков, «чтобы не опустить ни одного звука в этом иностранном имени», противопоставлялась Москва как столп и утверждение традиции, религии и народности⁵⁶. «В Москву, в Москву призывает теперь своего Царя вся Россия!.. Пора домой! Пора покончить с Петербургским периодом русской истории», — провозглашал Аксаковский журнал «Русь» в связи с царевубийством 1 марта 1881 г.⁵⁷ В утопии Шарапова дилемма снимается тем, что у России не одна, а четыре (!) столицы: «правительство в Киеве. Вторая столица Москва, — Петербург. Константинополь — четвертая наша столица» (ЧП, 23).

В утопии Шарапова действие разворачивается не только в географическом, но и в политическом пространстве. В понятие «публичная сфера», согласно Хабермасу, входит всеобщее участие, независимо от сословий и классов, отсутствие бюрократии, а также необходимость основных политических свобод, таких как свобода слова и собрания. Публичная сфера существует между государством и обществом, представляя собой особое политическое пространство, в котором частное мнение приобретает государственную значимость⁵⁸. Старшие славянофилы выдвинули свое представление о публичной сфере, концептуализированное теорией «общества» И. С. Аксакова. «Общество», в его представлении, это «сознательный народ», интеллигенция, которая не противопоставила себя простому народу, а стала выражать теоретическим языком принципы и желания, смутно ощущаемые простым народом. Так же, как и публичная сфера по Хабермасу, «общество» не делится на классы, а, пользуясь свободой слова, вырабатывает единое, общенародное «мнение». Это мнение, согласно славянофильской формуле «народу — мнение, царю — решение», юридически консультативное, является морально обязательным для царя⁵⁹.

Исходя из этой теории, свобода слова жизненно необходима для правильного функционирования общества и государства,

же. Сочинения. Кн. 1. СПб., 1892. С. 70–94.

⁵³ Шарапов С. Ф. Опыт русской политической программы. М., 1905. С. 35.

⁵⁴ Русское дело. 1886. №34–35. С. 3.

⁵⁵ Шарапов С. Ф. Мой дневник // Шарапов С. Ф. Сочинения. Вып. 15. М., 1901. С. 80.

⁵⁶ Аксаков И. С. Петербург и Москва [1862] // Аксаков И. С. У России одна-единственная столица... М., 2006. С. 196;

⁵⁷ Аксаков И. С. [Передовая статья] // Русь. 1881. № 17 (особое приращение). С. 1.

⁵⁸ Habermas J., *Strukturwandel der Öffentlichkeit*, (Marburg, 1990), 225.

⁵⁹ Tsimbaev N. I., I. S. Aksakov v obshchestvennoi zhizni poreformnoi Rossii, (Moscow, 1978), 180.

как свобода дышать необходима для организма⁶⁰. Подавление печати парализует социальную жизнь и обрекает общество на вечную незрелость, а государство на слепоту, невозможность увидеть подлинные проблемы своего народа.

Шарапову эта тема была весьма близка, так как он много претерпел от цензуры. Его газеты «Русское дело» и «Русский труд» были закрыты «по цензурным соображениям» в 1890 и 1899 г. соответственно. Характерно, что его утопические романы «Через полвека» и «Диктатор» подверглись цензурному и судебному преследованию. Московский цензурный комитет признал «Через полвека» «легкомысленной и небезвредной попыткой не только осудить существующий у нас строй как негодный и вредный в деле государственного благоустройства, но и наметить самым шутовским образом пути, на которые, по его мнению, должна будто бы стать Россия...»⁶¹ Разумеется, что Шарапов именно этого и хотел добиться, так что цензору В. Назарову нельзя отказать в точности формулировки, но Совет по делам печати, в принципе согласившись с «нежелательностью» подобных сочинений, не нашел формальных оснований для наложения запрета⁶². За желание «поставить хороший пулемет и... расстреливать всех [чиновников] веером» (ОХ, 210), на Шарапова было заведено уголовное дело, но вскоре прекращено за отсутствием состава преступления, а тираж утопии «У очага хищений», в которой и предлагалось столь радикальное решение кадровой проблемы, был частично арестован по решению все того же Московского комитета по делам печати⁶³.

Не удивительно, что первая сцена романа «Через полвека» — это профессиональный разговор героя с утопическим недобросовестным, «желтым» газетчиком:

— ... Скажите, цензура есть?

— К несчастью, нет. Упразднена.

— Как так — «к несчастью»?

— Я не застал цензурных времен, но я глубоко убежден, что тогда писать было гораздо легче... Ну, вычеркнул у вас цензор что-нибудь... Вы печатаете остальное, что вам пропущено, и спите спокойно. А теперь дрожь за каждую строчку. Наши суда положительно с ума сходят (ЧП, 21–22).

В частности, выясняется, что одного издателя засудили за «недобросовестную полемику», другого — за роман с «эффектными убийствами». Кроме того, получить разрешение на издание газеты сложно, так как нужно защитить проект в собрании «сведущих людей», т.е. признанных литераторов, которые проверяют благонадежность и высокоморальность кандидата (ЧП, 23). В утопии «Диктатор» министр внутренних дел предлагает закон о печати разработать самим литераторам и журналистам, определив только общие правила, в которых пунктом вторым шло: «установить точку зрения на политическую газету как на право для заслуженных и совершенно определившихся в литературном и нравственном отношении писателей иметь публичную кафедру для проповеди своих воззрений» (КД, 300). При этом тот же министр внутренних дел Тумаров тремя десятками страниц раньше назначает Сытину, издателю популярной

⁶⁰ Aksakov I. S., *Sochineniia*, 399. (Den', 1863 23 January).

⁶¹ РГИА, Ф. 776. Оп. 21. Ч. 1. Д. 605. Л. 5об (Дело о наложении ареста на сочинение С. Ф. Шарапова «Через полвека»).

⁶² Там же. Л. 17 (Постановление члена Совета Н. И. Пантелеева).

⁶³ Шарапов С. Ф. Мой дневник // Свидетель. 1909. № 22. С. 82–83.

СУСЛОВ Михаил Донатович / Michail SUSLOV

| Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова |

газеты, 25 розог за передовую, которая «есть верх наглости, и является прямой революционной пропагандой» (КД, 263).

Таким образом, проблема свободы печати редуцируется; на вопрос «цензура или бесцензурность» дается ответ: ни то, и ни другое, а третье — свобода для «нравственной журналистики». Формулируя это понятие, «нравственная журналистика», мы ссылаемся на понятие «нравственная экономика» Э.-П. Томпсона, применительно к массовым протестным движениям нового времени против наступления рынка, индустриализма и капитализма⁶⁴. «Нравственная журналистика» была такой же протестной концепцией, выражающей недовольство коммерциализацией прессы и отстаивающей взгляд на журналистику не как на коммерческий проект, а как на общественную «трибуну», о чем Шарапов прямо и писал. Роль прессы по этой концепции связана с «воспитанием» общества и с выработкой «мнения», в том числе политического. Газета подобна университетской кафедре, где недопустимо потакание дурновкусию толпы и допущение «сомнительных» личностей до издания газеты, в особенности — «еврея». Отсюда требование «совершенно отстранить евреев от политической печати» (КД, 301).

На этом примере мы наблюдаем еще одну закономерность: вместо государства агентом подавления становится само общество в лице его «сведущих людей»; соответственно внешний, юридический, государственных контроль за поведением заменяется общественным самоконтролем, который от этого не становится менее эффективным. Проследим за этой интеллектуальной эквилибристикой дальше, на примере решения политических проблем.

Проблема демократии и самодержавия составляет смысловой центр утопий Шарапова. В основе ее лежит набор славянофильских теорий: во-первых, «народу — мнение, царю — решение»; во-вторых, концепция «безгосударственного народа», и, наконец, аксаковская теория «общества». В конце XIX — начале XX вв. славянофильские политические идеи были пересмотрены и адаптированы к новым условиям. Один из вариантов адаптации был предложен Шараповым в формуле «самодержавие и самоуправление».

В конце 1890-х проблема местного самоуправления обсуждалась в обществе и в правительстве. Известная степень децентрализации оценивалась как механизм поддержки самодержавия, которое стремительно теряло легитимность в глазах не только революционных сил, но и либеральных интеллектуалов. С началом нового царствования министр внутренних дел И. Л. Горемыкин при покровительстве Николая II возглавили «партию децентрализации», выступавшую за расширение прав земств⁶⁵. Однако и «консервативная партия» пор предводительством министра финансов С. Ю. Витте и обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева не дремала. В декабре 1898 Витте распространил записку, в которой доказывал принципиальную несовместимость идеи местного самоуправления, земства, с идеей самодержавной власти царя⁶⁶. В ответ на это Шарапов опубликовал за границей политический трактат «Самодержавие

и самоуправление» (1899), который, вероятно, был заказан или, во всяком случае, одобрен Горемыкиным. Главная тема этой работы — возможность и необходимость основать самодержавие на системе самоуправляющихся территориальных организаций — переключала сначала в журнальную версию «Через полвека» (1901), а затем и в издание 1902 года.

Противоположностью этой модели подразумевается «самодержавие, основанное на бюрократии», или в славянофильской терминологии — полицейское государство. Критике бюрократии посвящены многие работы и классиков славянофильства, и их последователей. Образ бюрократии в восприятии Шарапова дегуманизируется и ассоциируется со смертью. «Мертвая», «бездушная», «косная»⁶⁷ бюрократия «ведет войну» с «живыми силами» общества⁶⁸. Ее главное свойство — держать страну «под страшным гнетом мрака и духоугашения»⁶⁹, а народ «в рабстве»⁷⁰. Бюрократия — явление чужеродное, она была привнесена на русскую почву Петром I, и поэтому она враждебна интересам России и ее народа, лишена патриотизма и любви к монарху. Драма российской истории, по мнению Шарапова, состоит в противоборстве двух сил: бюрократии и «земщины», т. е. «народной» России⁷¹. В этой борьбе не будет компромиссов: «улучшенная бюрократия невозможна»⁷². «Может ли бюрократия быть исправлена, сделана честной, национальной, энергичной? — риторически вопрошал Шарапов, — Отвечаем категорически “нет”»⁷³.

Под поверхностью этих рассуждений скрывается все та же славянофильская оппозиция «публика — народ», поэтому уничтожение «ига» бюрократии как одной из ипостасей «публики» даст свободу «подлинной», «народной» России. Однако, ошибочно было бы прочитывать эти рассуждения как апологию демократии и конституционализма. Парламентаризм как и социализм, в его представлении, является закономерной реакцией на бюрократический гнет, но парламентаризм еще хуже — он, «что сифилис, неизлечим. Он поганит душу народную, ставит ложь и обман во власть»⁷⁴. Парламентаризм — это «тирания большинства», которая создает «ужас полной безысходности», так как при самодержавии еще есть надежда — «одно мановение Царской руки, одно произнесенное слово, и тиски разжались...»⁷⁵ А при парламентаризме Россия обречена «медленно гнить»⁷⁶.

Критика парламентаризма связана с интерпретацией славянофильской теории «безгосударственного народа», согласно

⁶⁴ Thompson E. P. 'Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century' [1971] and 'The Moral Economy Reviewed' [1971] in Thompson E. P., *Customs in Common* New York, 1991, 185–352, 188.

⁶⁵ *Krizis samoderzhavii v Rossii, 1895–1917*, (Leningrad, 1984), 94–95.

⁶⁶ *Krizis samoderzhavii...* 106–107.

⁶⁷ Шарапов С. Ф. По поводу убийства егермейстера Сипягина // Шарапов С. Ф. Сочинения. Вып. 27. М., 1906. С. 18; Шарапов С. Ф. [Передовая статья] // Русское дело. 1906. №1. С. 2.

⁶⁸ РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 29. Письмо С. Ф. Шарапова к М. М. Андроникову 15 августа 1904 г.

⁶⁹ Шарапов С. Ф. [Передовая статья] // Русское дело. 1905. № 13. С. 1.

⁷⁰ Шарапов С. Ф. [Передовая статья] // Русское дело. 1905. № 19. С. 1.

⁷¹ Шарапов С. Ф. [Передовая статья] // Русское дело. 1906. № 25. С. 1.

⁷² Шарапов С. Ф. Киевские впечатления // Русское дело. 1906. №42. С. 8.

⁷³ Русское дело. 1905. №45. С. 2.

⁷⁴ Шарапов С. Ф. [Передовая статья] // Пахарь. 1906. №1. С. 12; Шарапов С. Ф. Диктатор. М., 1907. С. 6; Шарапов С. Ф. Самодержавие или конституция? М., 1908. С. 7.

⁷⁵ Шарапов С. Ф. Мой дневник // Шарапов С. Ф. Сочинения. Вып. 25. М., 1904. С. 82.

⁷⁶ Шарапов С. Ф. От издателя // Свидетель. 1907. № 1. С. 4.

СУСЛОВ Михаил Донатович / Michail SUSLOV

| Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова |

которой русский народ не желает властвовать, находя это противным религиозным заповедям. В результате бремя власти берет на себя один человек, царь, освобождая тем самым свой народ от греховных соблазнов.⁷⁷ Но как же может один человек управлять одной шестой частью земной поверхности? На помощь ему, писал Шарапов, может явиться бюрократия, а может сам народ, поднося к подножию трона свое мнение (вспомним славянофильскую мантру «народу — мнение, царю — решение») и освобождая его от «лишней» работы, приняв на себя заботы о местном управлении⁷⁸.

Модель идеального государства, нарисованная в утопии «Через полвека», почти без изменений воспроизведена в «Диктаторе». Царь только определяет стратегию развития, основные направления деятельности, контролирует выполнение работы и вмешивается в случае чрезвычайных ситуаций, а вся конкретная управленческая работа должна быть возложена на муниципалитеты. Однако и контроль за 40 тысячами приходских и 360 уездных самоуправлений дело трудоемкое, поэтому надо создать промежуточное звено — крупные административно-территориальные единицы — области. Эта излюбленная мысль Шарапова обосновывается ссылками на исторический опыт Московской Руси, где он находил зачатки федерализма в земщине и опричнине Ивана Грозного⁷⁹. Стоя вне политической борьбы, обновленное самодержавие сможет спокойно проводить реформы. Кроме того, в области революция невозможна, так как бунтовать незачем, раз нет государственной власти, оторванной от народа, но и центральная власть может не бояться революционных потрясений, обладая мощным аппаратом подавления⁸⁰.

Во главе области стоит начальник области или Наместник, назначаемый Верховной властью. Правит областью Областная Дума, в которую входит областной митрополит, местный предводитель дворянства, а также избранные представители от уездов (ЧП, 63). Областной Думе предоставлено право издавать местные законы, устанавливать все прямые налоги, добавочные косвенные налоги и акцизы, распоряжаться хозяйственными делами области, избирать представителей в общеимперские совещательные органы, подавать челобитные на имя государя, назначать начальников уездов⁸¹. В руках области также находится полиция, просвещение, земледелие, промышленность (ОХ, 12). За государством останется верховная власть, законодательство, военное дело, царский суд, финансы, денежная система и публичный кредит, железные дороги, монополии, почта, телеграф. В руках государства — контроль⁸². Воображаемый диктатор Шарапова намечал «государственный контроль совершенно выделить из системы управления и тем создать могущественную связь центра с областями»⁸³.

Шарапов предлагает осуществить такое деление на области, которое бы максимально соответствовало военным, учеб-

ным и судебным округам, а именно: Северная область во главе с С.-Петербургом, охватывающая бывшие губернии Петербургскую, Новгородскую, Псковскую, Олонецкую, отчасти Вологодскую и Архангельскую. Восточная половина последних двух губерний, Вятская, Пермская и Казанская губернии образуют другую область со столицей в Казани. Смоленская, Тверская, Ярославская, Костромская, Калужская, Московская и Нижегородская — центральная область во главе с Москвой. Киев — центр области, образованной из Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской с Холмщиной, выделенной из состава Польши. Среднечерноземная область — Орловская, Тульская, Курская, Харьковская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская и Симбирская с частью Рязанской губернии и частью Войска Донского (столица — Воронеж). Заволжские губернии образуют область с центром в Оренбурге, Новороссийские с центром в Одессе, северный Кавказ с Ростовом-на-Дону, Закавказье с Тифлисом, Сибирь делится на 4 области с центрами в Омске, Томске, Иркутске и Владивостоке⁸⁴.

Таким образом, Шарапов фактически предлагает проект федерализации России, поскольку его области обладают значительными правами в законодательной сфере. Идеи децентрализации, бывшие жупелом для правых⁸⁵, нисколько не пугали Шарапова, ссылающегося на опыт Великобритании, предоставившей почти полную независимость своим доминионам. «Но на что ей эта централизация, если есть другая, несравненно более прочная и могущественная — централизация экономическая?.. Дайте экономическую централизацию и забудьте о политической»⁸⁶. Другой пример Шарапова — США, которые, «устав от выборной лихорадки и рабства у еврейской биржи», вполне могут поставить во главе федерации самодержавного монарха. И тогда они больше всего будут походить на славянофильский идеал самоуправляющихся областей с верховной царской властью во главе⁸⁷.

Итак, на вопрос «абсолютизм или демократия?» дается ответ: ни то, ни другое, а самодержавие и самоуправление. В топографии публичной сферы, изображенной Шараповым, это юридическое изобретение означает редукцию проблемы участия граждан в принятии политических решений.

По той же схеме редукции рассматривается еврейский вопрос. Так, например, Шарапов был, безусловно, убежденным антисемитом, но вопрос о том, предоставить ли евреям все юридические права или нет, в утопии «Через полвека» снимается. В утопической России евреев юридически никто не дискриминирует, но «с ними ведется чисто культурная борьба» (ЧП, 34), а именно экономический бойкот и нравственное воздействие. Приходское самоуправление православного населения, кассы взаимопомощи и дешевый кредит разорили еврейские предприятия, и заставили их креститься и вступать в приходы. Вот тут и возник вопрос, на обсуждение которого попал герой романа, стоит ли пускать в приход крещеных ев-

⁷⁷ Аксаков К. С. О внутреннем состоянии России [1855] // Русь. 1881. № 26. С. 11–15.

⁷⁸ Sharapov S. F., Predislovie [1899], in Sharapov S. F., *Opyt Russkoi politicheskoi programmy*, (Moscow, 1905), iv — v.

⁷⁹ Русское дело. № 5. 3 февраля 1907 г. С. 3.

⁸⁰ Он же. Сочинения. Вып. 27. (Т. IX). С. 98.

⁸¹ Он же. Опыт русской политической программы. С. 14.

⁸² Там же. С. 13.

⁸³ Лев Семенов [Шарапов С. Ф.] Кабинет диктатора. С. 50.

⁸⁴ Шарапов С. Ф. Через полвека. С. 63.

⁸⁵ Идеи децентрализации поддерживали некоторые представители российской бюрократии (например, Н.Х. Бунге, И.Л. Горемыкин) как средство укрепления самодержавной власти. (См.: Кризис самодержавия в России. С. 94, 106).

⁸⁶ Шарапов С. Ф. Самодержавие или конституция? С. 62–63.

⁸⁷ Шарапов С. Ф. Опыт русской политической программы. С. IV.

СУСЛОВ Михаил Донатович / Michail SUSLOV

| Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова |

реев. На собрании столкнулись две точки зрения, вернее, два типа антисемитизма: религиозный и расовый. Сторонники первой позиции признавали возможность распространить права прихожан на православных евреев, а сторонники второй утверждали, что «его [еврея] кровь совсем иная, чем наша... Он всегда будет одним и тем же элементом разложения и гибели для всякой страны» (ЧП, 38). В конце концов, по настоянию авторитетного приходского священника принимается решение, которое опять-таки снимает поставленный вопрос, предлагая третий вид антисемитизма: экономический. Резолюция гласит: «Русский народ не гонит их [евреев] земли своей. Он желает лишь, чтобы они изменил... свою природу, а не только свои верования. А изменится эта природа их только тогда, когда не будет для них никаких иных способов жизни, кроме того же труда, какой несет и весь русский народ. Пусть идут на землю, пусть переделываются духовно...» (ЧП, 40). На этом примере обратим внимание еще на одно свойство редукции — снимая вопрос, она показывает истинные мотивы мышления. Так, в этом случае, истинной причиной антисемитизма правых в России действительно является неуспех экономической конкуренции полуфеодальных производителей сельской продукции с капиталистическими предприятиями, с которыми ассоциировалось еврейство⁸⁸. Аналогично, редукция вопроса о демократии и абсолютизме показывает истинные причины его постановки, а именно стремление поместного дворянства к господствующей роли в местном управлении.

Другой пример любопытной редукции — в вопросе об образовании. Для Шарапова такого вопроса нет в принципе, так как не должно быть никакого образования. Во-первых, он критикует казенное образование, поскольку, по его мнению, не только глупо, но и аморально содержать школы для будущих интеллигентских шарлатанов и бюрократов за счет голодающего народа⁸⁹. «Обязательное обучение! Из всех форм насилия над народом эта едва ли не самая отвратительная!»⁹⁰ Кроме того, насаждения образования бессмысленно, так как оно не востребовано народом⁹¹ из-за его экономической бедности. Он также возмущается «книжным» образованием, «выпускающим людей, способных единственно держаться на бюрократической проволоке, то есть абсолютно непродуктивных [...] Продуктивный труд и образование у нас, по-видимому, совершенно несовместимы»⁹². Шарапов ссылается на систему обучения допетровской Руси, при которой уже в XIV–XV вв. «все население Севера было сплошь грамотным и еще до книгопечатания при каждом почти погосте существовали рукописные библиотеки»⁹³. Шарапов ссылается и на пример старообрядцев, у которых нет школ, но грамотность повсеместна, поскольку они, как «самая сильная, типично русская часть нашего наро-

да», в отличие от казенной школы, учат своих детей «делу», а не «черт знает чему»⁹⁴. Однако вся эта высокая культура погибает «во мраке петербургских канцелярий»⁹⁵, и публицист берется предложить методы ее возрождения.

В его утопии все образовательные учреждения упразднены⁹⁶. Начальное образование дается домашнее; или же группы родителей приглашают учителя для своих детей. Среднее образование ученики получают на приходских курсах, куда приходом приглашаются преподаватели. Высшее образование тоже представляет собой систему курсов, читаемых коллективом преподавателей за плату⁹⁷. «Пусть каждый учится где хочет, чему хочет, у кого хочет и за чей счет хочет, только не за казенный»⁹⁸, — провозглашает его диктатор.

Та же участь постигает и женский вопрос. Утопическая жительница просвещает героя по этой теме: «Женский вопрос у нас заключается в том, чтобы честно и умело отдать руку и сердце порядочному человеку, не ошибиться в выборе и его не обмануть...» (ЧП, 49). Юридически женщины равноправны и свободны в создании семьи, им открыт доступ к любым профессиям, однако, вскоре выясняются ограничения.

— Ну, а адвокаты?

— ... Есть женщины — адвокаты, и даже знаменитые... Только наши суды их недолюбливают... В адвокаты идут преимущественно те дамы, которых уж очень Господь лицом обидел. Все наши дамы, юридические знаменитости, — на подбор рожи. Да и какая порядочная женщина пойдет на такую кляузную должность?..

— Развод облегчен?

— Юридически — очень... Но разводы у нас — большая редкость. Разведенных супругов судит очень строго само общество. Их презирают... Развод считается делом постыдным... (ЧП, 49–50)

Отметив мимоходом постоянство темы «власть общества вместо власти государства», обратимся к неизбежной иронии во взаимоотношении утопии и жизни: через шесть лет после написания этих строк Шарапову самому пришлось разводиться при довольно скандальных обстоятельствах.

Семейная жизнь, в его представлении, имеет патриархальные черты; жена должна быть «баба домашняя, дрессированная, умная, хотя бы без всякой эстетики, но вся сотканная из долга, самопожертвования и самоотрицания», — без лишнего экивоков обрисовывал Шарапов свой идеал в частном послании⁹⁹. В соответствии с этим идеалом, утопический двойник Шарапова Иванов 16-й делится с женой своими самыми интимными переживаниями, и в то же время, посвящает ее в «политическую кухню», разбирая в письме различные партии и возможности альянсов с ними: «Однако вместе письма жене я, кажется, целую политическую лекцию написал?.. Прости,

⁸⁸ Loewe H.-D. Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772–1917. Chur, 1993. P. 272–274.

⁸⁹ Лев Семенов [С. Ф. Шарапов]. Диктатор. (Политическая фантазия). М., 1907. С. 12.

⁹⁰ Шарапов С. Ф. Обязательность всеобщего обучения // Свидетель. №33 (март 1910). С. 4.

⁹¹ Он же. Мой дневник // Он же. Сочинения. Вып. 18. (Т. VI). М., 1902. С. 63.

⁹² Он же. . Вольф голодающего интеллигента. М., 1902. С. 30.

⁹³ Он же. Обязательность всеобщего обучения // Свидетель. 1910. №33 (март). С. 4.

⁹⁴ Он же. Открытое письмо П. А. Столыпину // Русское дело. № 35 (2 сентября 1906). С. 5.

⁹⁵ Там же. С. 8.

⁹⁶ Здесь несомненно влияние утопии У. Морриса «Вести ниоткуда». (Моррис У. Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия. М., 1962. С. 88)

⁹⁷ Шарапов С. Ф. Через полвека. С. 46.

⁹⁸ Лев Семенов [С. Ф. Шарапов]. Кабинет диктатора. (Политическая фантазия. Третье продолжение «Диктатора»). М., 1908. С. 30–31.

⁹⁹ ГАСО. Ф. 121. Д. 1046. Л. 18–18об (Письмо к А. П. Мещерскому от 29 августа 1904).

СУСЛОВ Михаил Донатович / Michail SUSLOV

| Принцип редукции картины мира в славянофильской утопии С. Ф. Шарапова |

дорогая... Но верь, изболелась душа... Ах, зачем ты не около меня?» (КД, 272–273) Жена для диктатора — и верный соратник в борьбе, и отдохновение для воина. Такая же жена у воображаемого министра внутренних дел Тумарова — «преданная своему мужу и своему долгу образцовая русская женщина» сопровождала его повсюду и была его «ангелом-хранителем... так как энергичный губернатор ждал ежеминутно бомбы или пули» (КД, 243).

В жизни, однако, Шарапова ждали разочарования. Он женился в 1894 г. на молодой девице Зинаиде Коровко, которая его не любила и не разделяла его убеждений. «Как я бился, желая возбудить в ней интерес, развить ее, заставить жить хоть немного высшей жизнью! Чем это кончилось? Почти ненавистью ко мне»¹⁰⁰. «Зина систематически доводила меня до озлобления, почти до сумасшествия»¹⁰¹. «Ни ласки, ни теплого слова, ничего. Она... кроме полного равнодушия или злобы не выказывает... Все во мне ей противно. Мое дело, моя работа, мое направление, мои мечты, моя любовь, мои ласки, все ей чуждо и кроме отпора, ненависти, ничего не вызывает»¹⁰². Вскоре она ему начала изменять, а затем выяснилось, что их пятеро детей связаны с ним «одним звуком имени, в смысле же происхождения ничего общего со мной не имеют»¹⁰³.

¹⁰⁰ ГАСО. Ф. 121. Д. 542. Л. 146 (Письмо матери жены от 25 августа 1894).

¹⁰¹ ГАСО. Ф. 121. Д. 542. Л. 417 (Письмо матери жены от 12 марта 1895)

¹⁰² ГАСО. Ф. 121. Д. 1040. Л. 6–11 (Письмо сестре жены Софье Коровко от 18 марта 1895 г.)

¹⁰³ ГАСО. Ф. 121. Д. 1040. Л. 80 (Письмо к жене З. Шараповой от 15 августа 1909 г.)

Итак, мы показали, что основным методом строительства утопии в работах Шарапова является редукция, т.е. снятие ранее поставленной проблемы, причем редукция ведет к радикальному упрощению картины мира. Утопическое пространство-время возвращается к архаике, к патриархальным и персонализированным отношениям. Местное самоуправление вместо институтов политической власти, общественное мнение вместо законов, традиция и органический рост «народа» (в противоположность «публике») вместо планирования и реформирования, домашнее образование вместо школы и университета, наконец, единая славянская империя вместо системы национальных государств, — эти несущие конструкции утопического общества придают элемент фундаментализма, возвращения к ценностям прошлого, построениям Шарапова. Однако при этом, несмотря на уверения в «народности» и «народолюбии», утопия Шарапова — это утопия для народа, а не народная утопия, так как народ играет второстепенную роль принимающего благоденствие из рук «нашего гениального Федота Пантелева» — Сергея Шарапова, а не ведущего актера исторической постановки. Возвращаясь к начальной метафоре настоящего анализа, можно сказать, что Шарапов, погружаясь в проблему модернизации, не «выныривает» по ту ее сторону, решив и преодолев ее, а возвращается к исходному пункту, к традиционализму и аристократизму.

